

УДК 01(470)(091)

В конце 2018 г. (в № 5) мы сообщили о кончине выдающегося историка отечественного книжного дела Ефима Абрамовича Динерштейна (1924–2018). До последнего часа старейший сотрудник Российской книжной палаты работал над статьёй об её истории, планируя подробно раскрыть роль и место её печатного органа — журнала, отмечающего в 2019 г. своё 90-летие, в развитии отечественной *библиографии и книговедения*. Именно под таким названием журнал выходит сейчас, но прежде, начиная с 1929 г., он не раз менял свои главные «координаты» — наименование («Библиография», «Библиотековедение и библиография», «Советская библиография», вновь «Библиография» и наконец, с 2015 г., — «Библиография и книговедение») и периодичность выпуска (от 3–4 до 6 раз в год).

К сожалению, учёный не смог закончить текст этого труда, оборвав его, по-видимому, на середине, не добравшись по хронологии событий даже до конца 1920-х гг. Тем не менее, мы публикуем незавершённую статью, считая это не только данью уважения маститому автору, но и счастливой возможностью познакомить читателя с новыми или малоизвестными фактами из истории отечественной книжной культуры. Можно только ещё раз пожалеть об уходе замечательного книговеда, до конца жизни сохранявшего ясность и оригинальность суждений, как и энциклопедичность знаний.

Редакция журнала выражает особую признательность Елене Ефимовне Динерштейн — дочери Ефима Абрамовича, которая расшифровала заметки отца и предоставила их для данной публикации.

Библиография и книговедение в первые годы советской власти

Советская власть получила от своего предшественника учреждение, не имеющее аналога в мире: Российскую книжную палату. А всё начиналось с малого. В 1889 г. в Санкт-Петербурге по инициативе выдающегося русского библиографа (тогда ещё малоизвестного) Андрея Дмитриевича Торопова был создан Московский библиографический кружок. Торопов стал редактором органа этого кружка — журнала «Книговедение», на страницах которого обсуждались вопросы библиографии, библиотековедения, книжной торговли и типографского дела. Просуществовав три года (1894–1897), журнал закрылся, не найдя общественной и тем более государственной поддержки. Но Торопов был из числа тех

людей, которые, начав какое-нибудь дело, не бросают его на половине пути. Он решил заинтересовать своим начинанием Министерство внутренних дел, точнее — цензуру. Он считал главной целью развитие отечественной культуры, а весьма ограниченные охранительные задачи были второстепенны. Речь шла о регулярной регистрации выходящих в стране изданий, вне зависимости от их характера и языка. Для этого нужны были средства и заинтересованность источника этих средств. Впрочем, нужна была и техническая подготовка для выпуска подобного органа: в частности, для единого описания регистрируемых изданий.

В 1901 г. он издаёт методическое пособие «Опыт руководства к подробному описанию книг согласно требованиям современной библиографии» и после

этого делится своим проектом с начальником Главного управления по делам печати А. В. Бельгардом (1861–1942). Того привлекает высказанная Тороповым идея, но понадобилось некоторое время, чтобы снять с Андрея Дмитриевича судебные обвинения за публикации статей о революции 1905–1906 гг. в редактируемых им газетах. Лишь после снятия судимости он смог перейти на работу в Главное управление по делам печати и выпустить в 1907 г. первый номер редактируемой им «Книжной летописи». Обладая всеми сведениями о выпуске в России печатной продукции, Торопов расширяет свои полномочия, регулярно устраивая общедоступные выставки книжных и повременных изданий, а также публикуя на основе обязательной их регистрации наиболее полные статистические данные о вышедших на всех языках изданиях.

Вероятно, перу Торопова принадлежит и альбом «Книжное дело в России. По статистическим данным «Книжной летописи»», вышедший параллельно на русском и немецком языках в 1914 г. Из предисловия к нему следовало, что отныне «систематическая регистрация произведений печати и разработка статистики всего книгоиздательства, равно как и повременных изданий, сосредоточена в России в Главном управлении по делам печати. С 1907 г. официальная регистрация всех произведений печати получила полную реорганизацию, причём одновременно предпринято издание специального библиографического журнала под названием «Книжная летопись», которая выходит каждую субботу с 8 июля 1907 г. до настоящего времени»¹.

Далее сообщалось, что с 1909 г. в весенние месяцы в Петербурге устраивается ежегодно общедоступная выставка всех произведений печати, вышед-

ших за минувший год. Первая из них функционировала с 8 мая по 9 июля 1909 г. Так происходило вплоть до 1914 г. В июле 1911 г. выставка побывала в Сербии на съезде славянских журналистов, а перед этим, в 1910 г., — в Болгарии на Славянском съезде в 1910 г.

В заключение говорилось, что журнал выходит под редакцией А. Д. Торопова, который является в то же время «ближайшим руководителем в деле разработки статистических сведений, касающихся печати, а также в работе по устройству ежегодных выставок»².

Сам же альбом прекрасно выполнен московским фотографом К. Фишером и даёт целостное представление как о характере диспозиции экспонатов, так и о характере оформления стендов в помещениях, в которых она располагалась.

История создания Российской книжной палаты уже освещалась достаточно подробно; укажем лишь, что её основой стал именно отдел, возглавляемый Тороповым. Руководитель палаты профессор Семён Афанасьевич Венгеров (1855–1920) значительно расширил её функции, поставив перед сотрудниками целый ряд новых научных задач. Но её основой всё-таки оставался выпуск «Книжной летописи».

Последовавшие за Октябрьской революцией гражданская война, голод, хозяйственная разруха исключали возможность регулярного выпуска «Летописи», поскольку затрудняли доставку обязательного экземпляра. Отдельным энтузиастам кое-где удавалось собирать местные издания (например, Г. И. Поршнев, живший в Иркутске, лично организовывал сбор изданий, вышедших за Уральским хребтом), но в целом местные материалы доставлялись нерегулярно, а то и вовсе не поступали в Палату.

В Москве существовало учреждение, подобное петроградской Российской

¹ Книжное дело в России. По статистическим данным «Книжной летописи». СПб., 1914. С. 3.

² Там же. С. 11.

книжной палате. Положение осложнилось в 1920 г., когда почти одновременно умерли С. А. Венгеров и председатель Русского библиографического общества Н. М. Лисовский. Это общество образовалось из существовавшего когда-то кружка Торопова. В данном случае важно, что именно Общество с 1913 г. издавало журнал «Библиографические известия», который давал возможность книговедам страны хотя бы заочно общаться. Секретарём Общества был Богдан Степанович Боднарский, который стал его председателем и редактором журнала.

Наш современник Галина Васильевна Михеева в своём известном труде «История русской библиографии (февраль 1917–1921 гг.)» так характеризует Боднарского: «...составитель первой в мире текущей библиографии... Активный сторонник, пропагандист и инициатор применения в отечественных библиотеках десятичной библиографической классификации... Его доклад в Русском библиографическом обществе 31 июля 1920 г. с резкой, во многом несправедливой критикой Палаты петроградского периода, односторонние выводы, сделанные на основании доклада, во многом послужили определяющим фактором при решении вопроса о переводе Палаты в Москву»³.

Исследователь не учитывает, к сожалению, два обстоятельства: что Боднарский непосредственно участвовал в подготовке так называемого Ленинского декрета о библиографии и передаче соответствующих функций Российской центральной книжной палате (Центральной она называлась на том основании, что одновременно уже функционировал ряд региональных палат) и что в дальнейшем Боднарский проявил себя как слабый организатор и ре-

дактор; сократился авторский состав журнала — на его страницах печатались в основном библиографические работы самого Боднарского. В 1929 г., когда фактически закрывались все внегосударственные общественные организации, руководимые некоммунистами, председатель Библиотечной комиссии при Учёном совете Наркомпроса РСФСР Генриетта Карловна Дерман рекомендовала не только закрыть журнал, но и ликвидировать само издающее его общество. На то были веские, на её взгляд, причины. Рекомендации её были осуществлены.

Однако в целом Центральной палате всё же повезло и с личностью самого наркома, и с тем, что по рекомендации заведующего Госиздатом О. Ю. Шмидта её руководителем стал Николай Фёдорович Яницкий (1891–1979). Ученик известного историка М. В. Довнар-Запольского, он закончил историко-филологический факультет Киевского университета, а затем преподавал в Таврическом университете. В конце 1921 г. возвратился в Москву. Преподавательская работа его несколько тяготила, и он охотно принял предложение стать директором Палаты. Характер работы и планы развития Палаты его сразу захватили, что видно из статьи «Книжный центр РСФСР» в сборнике «Печать РСФСР в 1922 году», опубликованном Госиздатом.

Следует сказать, что Госиздат при О. Ю. Шмидте и Н. Л. Мещерякове уделял много внимания проблемам книжного дела. Так, с июля 1921 г. по инициативе именно этого монополиста-издателя стал выходить новый по содержанию и оформлению ежемесячный журнал «Печать и революция» под редакцией критика и в то время заведующего литературно-издательским отделом Политического управления Красной армии Вячеслава Павловича Полонского. При этом анонсировалось участие в работе редколлегии журнала са-

³ Михеева Г. В. История русской библиографии (февраль 1917–1921 гг.) / Рос. нац. б-ка. Ч. 1. СПб., 2006. С. 488–489.

мого А. В. Луначарского и М. Н. Покровского — со стороны Наркомпроса, а со стороны Госиздата — Н. Л. Мещерякова и И. И. Скворцова-Степанова.

По своему характеру этот печатный орган заметно отличался от издававшегося в Петрограде короткое время журнала «Книга и революция» (1920–1923), помещавшего статьи литературоведческого характера, рецензии на книги и обзоры литературы по всем отраслям знания.

Судя по воспоминаниям Мещерякова, Полонский выдвинул мысль, что надо хоть что-нибудь сделать для «изящной литературы» — «показать, что она не умерла, что пролетарское государство заботится о ней, что даже при невероятно тяжёлых условиях гражданской войны, голода, холода и разрухи мы хотим и можем работать над развитием литературы»⁴.

Если в первых номерах журнала появлялись материалы, связанные с книжным делом, искусством книги, то вскоре журнал принял характер хорошо сделанного и объективно настроенного литературно-критического издания. Но далеко не всем высокопоставленным лицам это понравилось. Так, на Третьей сессии ВЦИК 7-го созыва, на которой обсуждался отчёт Наркомпроса за время с октября 1917 г., содокладчиком Луначарского выступал член Комиссии Президиума ВЦИК по обследованию Наркомпроса В. И. Невский. Он подверг резкой критике всю издательскую политику Наркомпроса (Госиздат формально входил в его систему), предлагая покрыть дефицит учебной литературы путём прекращения, например, издания книг по искусству (хотя они печатались в ничтожных количествах и малыми тиражами), заодно имея в виду издания, подобные журналу «Печать и революция». На этом заседании при-

сутствовал председатель Совнаркома В. И. Ленин, который сделал соответствующие отметки на протоколе выступления своего старого знакомого по эмиграции⁵.

Ленин особо не жаловал ни Луначарского, ни О. Ю. Шмидта, но понимал их значимость в русской культуре. В его кремлёвской библиотеке сохранились номера «Печати и революции», «Книжной летописи» и сборник Российской центральной книжной палаты «Печать РСФСР в 1922 г.», выпущенный не без материальной помощи Госиздата. Шмидт и Мещеряков даже намерились издавать специальный двухнедельный журнал «Книга о книгах», посвящённый вопросам книгоиздательского и книгопродавческого дела в России и за границей.

Первый сдвоенный номер вышел в апреле 1924 г. под редакцией писателя С. Д. Мстиславского. В обращении к читателям редакция писала, что «задача журнала — не только ознакомление с выходящей литературой, русской и иностранной, но и самая “организация” книги, её жизни на всех ступенях, от авторского замысла до книжной лавки и библиотечной полки. Во исполнение этой задачи “Книга о книгах” будет давать наряду с критическими обзорами литературы, библиографией и ежемесячным систематическим указателем книг и статей нашей периодической печати, статьи по теории и технике литературы по книжной технике; освещать в статьях и хронике важнейшие события литературной жизни, знакомить с работой литературных учреждений, обществ, отдельных авторов и т. д. — в пределах СССР и за рубежом. В области книгоиздательства журнал уделит особое внимание вопросам хозяйственного и организационного порядка, ныне представляющих особо широкий и жизненный интерес, и вопросам вну-

⁴ Мещеряков. В. П. Полонский // Известия. 1932. 27 февр.

⁵ См.: Народное образование. 1958. № 4. С. 25.

тренней жизни издательств, учитывая огромную, поистине творческую роль, которая принадлежит им ныне, в Советской России, в деле строительства новой литературы»⁶.

Редактор старался разнообразить материал, подавать его быстро, в различных формах. Так, в разделе «За рубежом» была опубликована статья Н. Ф. Яницкого «Выставка советской книги в Праге», вызвавшая дискуссию в Агитпропе ЦК партии, поскольку одновременно и параллельно эмигранты выставили свои издания. Бóльший успех выставки Госиздата РСФСР (работа по её организации проведена Палатой) был неоспорим, однако заведующий отделом печати И. Вардин предпринял решительный демарш против такого рода соревнований. Книга Яницкого о выставке была набрана (автор этих строк держал в руках её сверку), но затем набор был рассыпан (текст вёрстки хранился в архиве И. Н. Кобленца)⁷.

В другом разделе этого тематического номера сообщалось о предстоящем издании «Большой советской энциклопедии» и перечислялись члены её редакционного совета во главе с председателем проф. О. Ю. Шмидтом.

Редакция охотно использовала давно апробированные, традиционные формы общения с читателем. К их числу отнесём, например, использовавшиеся ещё до революции опросные анкеты по различным проблемам, с высказываниями известных лиц.

Такова опубликованная в № 5–6 анкета «Как вы теперь воспринимаете Пушкина», одна из частей которой — «Какую роль вы отводите Пушкину в судьбах современной и будущей русской литературы?» — была особенно

интересна, поскольку ярко характеризовала идеологическую обстановку в стране и отношение творческой интеллигенции к национальной культуре прошлого. Всю её привести невозможно, но ответы Сергея Есенина и Дмитрия Фурманова весьма показательны.

«Попутчик» Есенин говорит: «Пушкин — самый любимый мною поэт. С каждым годом я воспринимаю всё больше и больше как гения страны, в которой я живу. Даже его ошибки, как, например, характеристика Мазепы, мне приятны, потому что это есть общее осознание русской истории». Далее он добавляет: «Влияния Пушкина на поэзию русскую вообще не было. Нельзя указать ни одного поэта, кроме Лермонтова, который был бы заражён Пушкиным. Постичь Пушкина — это уже талант. Думаю, что только сейчас мы начинаем осознавать стиль его словесной походки».

Столь же характерен и ответ руководителя группы «Октябрь» Фурманова: «Разумеется, сила впечатления от пушкинских творений не та, что была прежде: теперь зрелому политически [человеку. — Е. Д.] многое представляется в ином свете. К примеру — “Капитанская дочка” прежде воспринималась почти исключительно как высокохудожественное произведение, без классового подхода, без соответствующего анализа. Теперь другое: видишь, что и движение народное, и сам Пугачев, и вообще все персонажи повести даны под известным углом зрения, даны представителем определенного класса. Понимание и толкование Пугачевщины у Пушкина не то, которое у нас, и потому вся повесть производит отличное от прежнего впечатление и родит новые мысли, новые настроения, вызывает к себе более критическое отношение»⁸. В этой оценке, без-

⁶ От редакции [там же список основных сотрудников] // Книга о книгах. 1924. № 1–2.

⁷ Яницкий Н. Ф. Выставка советской книги в Праге 16–23 марта 1924 года // Там же. № 4. С. 75–77; 28–29.

⁸ Там же. 1924. № 5–6. С. 18–20.

условно, слышится политредактор Госиздата, но и отражена суть времени.

Однако, просуществовав всего один год, журнал был закрыт в связи с переходом его издателей из Госиздата в другое учреждение, которое они же сами и построили [речь идёт о редакции БСЭ. — *Ред.*]. Нельзя сказать, что этот переход был добровольным и они его жаждали. Но О. Ю. Шмидт давно интересовался подобными изданиями. Будучи в Германии, он навестил Зиновия Гржебина, пытавшегося не продолжать знаменитую энциклопедию Брокгауза и Ефрона, а выпустить новую, более современную, благо материальные возможности ему это позволяли. Буква «А» была уже набрана, и он сразу же ухватил, что подобное издание никогда не пропустит советская цензура. В основу гржебинской «Энциклопедии» был заложен принцип максимальной объективности, а советскому государству нужно было издание, освещающее факты с марксистских позиций.

Гржебинское начинание рухнуло не только из-за того, что никто бы не мог распространить подобное издание на родине, но и по многим другим причинам. Шмидт же оно очень заинтересовало. Он отлично понимал, что новая «Большая энциклопедия» заинтересует все круги советского общества. К тому же, его кресло заведующего Госиздатом явно зашаталось из-за допущенной оплошности (впрочем, была ли она оплошностью?). Политбюро партии утвердило рукопись своего члена Л. Д. Троцкого «Уроки Октября». Когда пришла сверка, главный редактор Госиздата Мещеряков переслал её автору, который не только исправил издательские погрешности, но и внёс немало изменений в текст. Это не нарушало общепринятых правил, но возмутило Сталина.

Не желая открытых столкновений, Шмидт добровольно покидал свой пост (возможно, ему надоевший), широко

отметив в мае 1924 г. юбилейную 5-летнюю дату издательства. Следуя возникшим традициям, кроме торжественного заседания с участием крупнейших деятелей партии и выдающихся учёных, была выпущена интереснейшая книга (хорошо оформленная) о всесторонней деятельности Госиздата, которая презентовалась всем его сотрудникам, независимо от чина и звания, с личной подписью Шмидта. В то же время в залах Исторического музея была развёрнута работниками Книжной палаты большая выставка изданий ГИЗа и материалов, ему посвящённых.

Сотрудничество издательства и Палаты в последний раз проявилось в деятельности I Всероссийского библиографического съезда. Состоялся он в декабре 1924 г. Иван Федорович Маргынков писал⁹, что инициатива его созыва принадлежала Русскому библиографическому обществу при Московском университете. Это неверно — инициатором съезда была Книжная палата. Созванный, как говорится, «на скорую руку», он не сыграл той роли, которую от него ожидали. По мнению Александра Давидовича Эйхенгольца, «съезд показал оторванность значительного числа его участников от современной действительности, от живых запросов практики. <...> Совершенно неудовлетворительным было обсуждение теории библиографии. Доклады на эту тему вращались в кругу споров об отдельных частных терминах, были разработаны в сугубо схоластическом духе»¹⁰.

С оценкой же «Трудов II Всероссийского библиографического съезда» А. Д. Эйхенгольцем современный читатель вряд ли мог бы согласиться.

⁹ Книга : энциклопедия. М., 1999. Стб. 570.

¹⁰ Общая библиография : учеб. для библиотеч. интов. М. : Совет. Россия. 1957. С. 190–191.

Эфим Абрамович Динерштейн